

Карибский кризис 1962 г.

Содержание:

1. Введение (стр.3)
2. Параграф 1.Советский Союз и революционная Куба (стр.4)
 - Предпосылки (стр.7)
3. Параграф 2.Развитие Карибского конфликта (стр.9)
 - Карантин (стр.13)
 - Черная суббота (стр.14)
4. Заключение. (стр.21)
5. Сноски
6. Список использованной литературы

Введение.

Вторая половина октября 1962 г. вошла в историю под названием Карибский кризис, возникший в атмосфере обострения “холодной войны” и поставивший мир на грань ядерной катастрофы. Человечество в полной мере ощутило реальность апокалипсиса. К счастью, силы разума взяли тогда верх над безрассудством и разыгравшимися эмоциями. Государственные деятели СССР, США и Кубы впервые осознали что такое “ядерный тупик”, и, проявив необходимый реализм при ликвидации кризисной ситуации, нашли в себе силы вступить на путь решения острейших международных проблем не военными, а политическими средствами. И не будет преувеличением сказать, что уроки кризиса, предостерегающие от поспешных, непродуманных действий, стали серьезным вкладом в разработку и нового мышления, и новых подходов к событиям на мировой арене.

Однако не все страны приняли во внимание этот опыт. Подтверждением может служить недавно разразившийся Балканский конфликт. Вследствие каких противоречий мировой системы он мог разразиться? Истоки этого конфликта, по-моему мнению, надо искать в далеком 1962 году, поскольку причины, породившие их, основываются на одной платформе. Желание Североатлантического союза расширить как можно дальше на восток сферы своего влияния - это далеко не главный, хотя немаловажный критерий. Показать, да и посмотреть свою военную силу в действии, сделать миф о миротворчестве путем оружия - вот что двигало политические круги НАТО в вопросе о вмешательстве во внутренние дела европейской, независимой страны. В тоже время американцы пошли намного дальше в своих действиях, понимая, что нынешняя “демократическая” Россия, в отличие от своего коммунистического собрата СССР, не сможет, да и не пожелает применить свою военную машину против стран Запада (это чревато гибелью и без того слабой экономической системы, зависимой от валютных вливаний). Почему мы допустили такой исход событий, мы, пережившие подобную ситуацию почти сорок лет назад? Наверное, во многом потому, что многие просто не понимают всей актуальности проблемы ядерной войны. Ко всему прочему, материалы событий 1962г. тщательно скрывались от народа, и только в постперестроечные времена мы смогли ощутить ту грань, переступив которую, можно было бы поставить точку на всем живом. Но и этого для объективной оценки недостаточно, так как основные документальные факты до сих пор числятся под грифом “совершенно секретно”, и вся литература, которая посвящена Карибскому кризису, тем или иным образом связано либо с личной оценкой общедоступных фактов, либо со степенью причастности к тем событиям.

Однако того, что уже издано по данной тематике вполне хватает для формирования представления о политике нашей страны в середине этого столетия.

Цель моего реферата: показать первопричинные истоки конфликтов между СССР и США в послевоенные десятилетия, определить насколько серьезны и плодотворны были шаги по их предотвращению.

Удивительно, но за столь малый период времени, октябрь 1962г., Куба стала неким узлом противоречий между двумя сверхдержавами. Здесь встретились интересы двух биполярных систем - СССР и США. Можно с уверенностью сказать, что их военно-политическое противостояние стало реальной угрозой для жизни миллионов ни в чем неповинных людей.

Не поняв уроки прошлого, мы не сможем предотвратить того, что может случиться завтра. Изучая и анализируя исторические факторы данной проблематики, можно в полной мере осознать величие и одновременно незащитность человека перед таким грозным оружием XX века, которое является своеобразной фишкой в руках всемогущих политиков.

Карибский кризис 1962 г. Мир на грани войны. **Операция “АНАДЫРЬ”**

Параграф 1

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ КУБА

Начало 1960-х гг. в развитии мировой социалистической системы характеризуется напряженностью отношений между СССР и странами соцлагеря, имевших на вооружении большие запасы оружия самых разных систем, и США.

В Латинской Америке подъем национально-освободительного движения ознаменовался победой Кубинской революции. 1 января 1959 г. на Кубе был свергнут реакционный режим ставленника американских монополий диктатора Батисты и, в конечном итоге, национально-освободительное движение завершилось победой народной революции. Было создано новое правительство во главе с Фиделем Кастро. 10 января 1959 г. Советское правительство признало его и установило с Кубой дипломатические отношения. В апреле 1961 г. Фидель Кастро заявил о социалистическом характере экономической политики: “Кубинская революция разорвала цепь империалистического гнета в Латинской Америке и привела к созданию первого социалистического государства на Американском континенте, ознаменовав исторический поворот и открыв здесь новый этап революционного движения”¹.

Победа революции на Кубе вызвала неадекватную реакцию у империалистов Соединенных Штатов, и они пустили в ход весь арсенал средств политического шантажа, экономического давления и организации контрреволюционных заговоров. Резко враждебная антикубинская линия США подтолкнула Фиделя на сближение с СССР и другими социалистическими странами: иного выхода из экономического кризиса и политической изоляции не было. Отношения с Москвой никогда не были простыми у Кастро, который стоял за более активную поддержку революций во всем мире, а не за “мирное сосуществование” с Западом (в конце 60-х он даже посадил на скамью подсудимых членов “просоветской фракции” своей партии). Неоднозначно к нему относились и в странах соцлагеря и в развивающихся в частности. Тито откровенно его не признавал, не сложились отношения с Насером, в частности, из-за того, что Фидель, получив в подарок серебряный сервиз, неудачно пошутил: “А я думал, что вы подарите мне крокодила”. Тем не менее авторитет Кастро оставался высоким, особенно в Латинской Америке, со многими мировыми лидерами он встречался на сессиях Генассамблеи ООН, к нему тянулись многие писатели и артисты: Хемингуэй, Габриэль Гарсиа Маркес, Грэм Грин, Сидней Пуатье, Гарри Беллафонте.

Возвращаясь к политике контрпереворота надо сказать, что в период с 1960 по 1965 г. ЦРУ организовало и пыталось осуществить ряд заговоров и террористических актов с целью устранения Фиделя Кастро. “Мы обнаружили конкретные доказательства по крайней мере восьми заговоров ЦРУ с целью убить Фиделя Кастро”, — говорится в докладе сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов США. По целому ряду причин, не зависящих от ЦРУ, осуществить эти планы не удалось”². Одновременно с политическим нажимом и угрозами США прибегли к организации экономической блокады Кубы. Они рассчитывали подорвать народное хозяйство страны, искусственно вызвать экономические трудности и таким образом вынудить кубинское правительство к капитуляции. Эту цель преследовали США, когда нарушили свои обязательства по импорту кубинского сахара — важнейшего источника национального дохода, без экспорта которого Куба как страна, зависящая от импорта продовольствия и других товаров, не в состоянии существовать. Зная это, США в 1960 г. аннулировали 95% квоты на закупки кубинского сахара и запретили продажу Кубе промышленного оборудования и других товаров. В результате этого Куба оказалась в крайне тяжелом положении.

Установление дипломатических отношений и торговых связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами, их большая бескорыстная экономическая помощь позволили Кубе устоять перед нажимом империалистов и сорвать экономическую агрессию, предпринятую Соединенными Штатами с целью удушения Кубинской революции. Уже в феврале 1960 г. было заключено соглашение о товарообороте и платежах, создавшее предпосылки для установления тесного сотрудничества СССР с Кубой и обеспечившее ей советскую экономическую помощь. Оно предусматривало закупку кубинского сахара в обмен на поставки необходимых для Кубы товаров из Советского Союза, а также предоставление Кубе кредита для приобретения в СССР оборудования и других товаров на 100 млн. долларов. В июне 1960 г. было заключено соглашение, которое обеспечивало Кубу советской нефтью. Начиная с 1960 г. СССР стал поставлять ежегодно до 5 млн. т нефти и нефтепродуктов и закупать 2—3 млн. т кубинского сахара-сырца. Широкую поддержку Кубе оказывали и другие страны социалистического лагеря.

Освободительная борьба кубинского народа против американского империализма встретила полное понимание и активную поддержку со стороны Советского Союза. Не ограничиваясь предоставлением Кубе экономической помощи, Советское правительство предупредило агрессивные круги США, что СССР готов принять самые решительные меры для обеспечения ее независимости. Во время пребывания в СССР кубинского министра революционных вооруженных сил Рауля Кастро в июле 1960 г. Советское правительство заверило правительство Кубы в своей поддержке.

Правительство Кеннеди, пришедшее к власти на смену правительству Эйзенхауэра в январе 1961 г., продолжало проводить в отношении Кубы прежний агрессивный курс, который лежал в основе обанкротившейся политики его предшественника. 17 апреля 1961 г. Куба подверглась разбойничьему нападению вооруженных банд интервентов, происходившему под прикрытием военных кораблей и авиации Соединенных Штатов. Советское правительство на следующий же день, 18 апреля 1961 г., выступило с заявлением, в котором разоблачило содействие интервентам со стороны США, выразило твердую решимость оказать всю необходимую помощь кубинскому народу в его борьбе за свободу и независимость и потребовало прекращения агрессии против Кубы. “Куба не одинока”, — говорилось в этом заявлении³. США оказались вынужденными отступить.

Однако, как показали последующие события, провал апрельского вторжения не остановил империалистические круги США в их попытках задушить революционную Кубу. Они стали энергично готовить новое нападение — на этот раз уже с использованием собственных наземных вооруженных сил. Несмотря на это в феврале 1960 г. в Гаване открылась торгово-промышленная выставка, которая буквально поразила большинство кубинцев, не имевших до той поры практически никакого представления о нашей стране. На открытие прибыл Анастас Иванович Микоян, с которым у Фиделя и других кубинских руководителей сложились самые теплые, дружеские отношения. Думаю, именно тогда они по-настоящему поверили, что СССР будет бескорыстно помогать Кубе., именно тогда и был решен вопрос о восстановлении в подходящий момент дипотношений между нашими странами. А через три месяца был подписан официальный документ об открытии посольств

в Гаване и Москве. Подчеркну, что именно А. И. Микоян сыграл решающую роль в становлении советско-кубинской дружбы и до конца своих дней он делал все возможное для ее укрепления.

Еще раньше этого события, в мае 1959 г., Никита Сергеевич Хрущев выдвинул неожиданную идею - разместить на острове советские ядерные ракеты. Такой шаг он шутливо объяснял тем, что империалистам “надо запустить ежа в штаны”. Он выразил абсолютную уверенность в том, что в отместку за поражение на Плайя-Хирон американцы предпримут вторжение на Кубу уже не с помощью наемников, а собственными вооруженными силами: на этот счет у нас есть достоверные данные. Мы, продолжал он, должны найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев от этого рискованного шага, ибо наших выступлений в ООН в защиту Кубы явно недостаточно. Надо дать им понять, что, напав на Кубу, они будут иметь дело не только с одной непокорной страной, но и с ядерной мощью Советского Союза. Надо максимально повысить плату за военную авантюру против Кубы, в какой-то мере уравнивать угрозу Кубе угрозой самим Соединенным Штатам. Логика подсказывает, говорил Хрущев, что таким средством может быть только размещение наших ракет с ядерными боеголовками на территории Кубы.

Военные с обеих сторон стремились к безусловному поражению первым же ударом всех стратегических ядерных средств противника. Для этого необходимо было создать количественное и качественное превосходство в стратегических средствах доставки ядерного оружия. А достичь внезапности при первом ядерном ударе пытались за счет размещения стратегических ракет средней дальности вблизи границ противника.

И в Москве, и в Вашингтоне понимали, что даже после внезапного массированного ядерного удара по объектам противника вполне вероятен ответный выпад, хотя и не массированный, но способный унести жизни многих людей. Но это был уже вопрос второстепенный. Главное заслоняло собой все — одержать победу в ядерной войне.

“Военные преимущества при нанесении удара первыми требуют от нас быть постоянно начеку с тем, чтобы обрушить на противника всю нашу мощь после того, как на нас совершено нападение, и, по возможности, до того, как удар со стороны Советского Союза стал свершившимся фактом... На начальных фазах ядерной войны преимущество факторов инициативы и внезапности будет чрезвычайно велико”⁴. (американская позиция)

“...первые же массированные ядерные удары способны в огромной мере предопределить весь последующий ход войны и привести к таким потерям в тылу и в войсках, которые могут поставить народ и страну в исключительно тяжелое положение, ...объектами сокрушительных ядерных ударов наряду с группировками вооруженных сил противника будут промышленные и жизненные центры, узлы коммуникаций — все то, что питает войну”⁵. (советская точка зрения)

К маю этого года США имели значительное превосходство над Советским Союзом в средствах доставки и семнадцатикратный перевес по ядерным боеприпасам. Превосходство в средствах средней дальности, способное превратить Западную Европу в радиоактивные развалины, и планы нанесения ядерных ударов по Аляске силами отдельного ракетного полка, который предполагалось развернуть в районе Анадыря, были слабым утешением для руководства Советского Союза.

Отмечу, что в 1962 году уже 87% американских межконтинентальных ракет (Атлас-Р, Титан-1) было размещено в шахтных пусковых установках, что обеспечивало их живучесть. Советский Союз только приступал к их строительству.

Техническая готовность межконтинентальных ракет (МКР) США к старту из различных степеней боевой готовности в два раза превосходила аналогичные советские показатели.

С 1961 г. одна треть стратегических бомбардировщиков В-52 осуществляла дежурство в воздухе. Другая треть находилась в 15-минутной готовности к вылету. При этом на самолетах, предназначенных для дежурства как в воздухе, так и на земле, размещалось ядерное оружие, а экипажам вручались документы с боевой задачей.

Кроме того, с октября 1958 г. в соответствии с системой “Рефлекс экшн” было организовано аналогичное дежурство средних бомбардировочных авиационных крыльев на передовых аэродромах Великобритании, Северной Африки и Испании. Дальняя авиация советских ВВС находилась в мирное время в суточной готовности. При этом для выполнения

боевых задач соединения стратегических бомбардировщиков должны были перебазироваться на передовые аэродромы Кольского полуострова и Чукотки.

США значительно опережали СССР и в развертывании морских ядерных сил. Атомные подводные лодки класса “Джордж Вашингтон” имели на борту по 16 ракет “Поларис-А1” (дальность полета — 2800 км), пуск которых осуществлялся из подводного положения. В начале 60-х годов они базировались в Холи-Лох (западное побережье Шотландии) и осуществляли боевое патрулирование в Северной Атлантике. Кроме того, США по “настойчивым просьбам” своих союзников по НАТО к маю 1962 г. в дополнение к 60 ракетам “Тор”, развернутым на западе Англии, завершили развертывание в Северной Италии и Турции 45 пусковых установок ракет средней дальности (РСД) “Юпитер”. И хотя эти ракеты находились в оперативном подчинении ВВС Великобритании (“Тор”) и объединенного командования НАТО (“Юпитер”), планирование их боевого применения осуществлялось в общем плане “ядерного наступления” США. Время полета этих ракет до целей на территории СССР составляло всего 10 минут, что полностью лишало советское руководство возможности принять решение об ответных действиях.

Советский ВМФ только приступал к развертыванию группировки ракетных подводных лодок. Атомные подводные лодки 658 проекта с тремя ракетами Р-13 (дальность полета — 600 км) проходили испытания. В боевом составе флота находились только дизель-электрические подводные лодки 611 проекта с двумя ракетами Р-11 ФМ (дальность — 150 км) и 629 проекта с тремя ракетами Р-13. Боевое патрулирование не предусматривалось. Для поражения объектов на территории США предполагалось привлекать подводные лодки 629 проекта. Учитывая горький опыт Перл-Харбора, США в 1961 году развернули в Туле (Гренландия) и Файлингдейаз-Мур (Великобритания) две станции системы предупреждения о ядерном ударе. Станции позволяли фиксировать факт полета МКР за 25—30 минут до падения их головных частей на территории США, что обеспечивало достаточное время для принятия решения на ответные действия и тем самым исключало возможность внезапной атаки противника.

Таким образом, к началу 60-х годов Соединенные Штаты обладали количественным и качественным превосходством в области стратегического ядерного вооружения и гипотетически могли одержать победу в ядерной войне с Советским Союзом. Значение этого превосходства проявилось уже на Венской встрече на высшем уровне в июне 1961 г. Все требования Хрущева по Западному Берлину и Кубе “разбивались” об улыбку Джона Кеннеди, более того, результаты космической разведки, проведенной в 1961 году, ясно показали, что вместо 200 ракет (старая оценка ЦРУ) Советский Союз имел только четыре МКР, развернутые в Плесецке, в то время как США имели 40 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет. * Это обстоятельство существенно изменило американские планы применения ядерного оружия. Оказалось, что практически двумя-тремя ракетами “Юпитер” с территории Турции, развертывание которых было завершено в мае 1962 г., можно уничтожить все межконтинентальные ракеты СССР. Советскому руководству стало ясно, что американцы уже не верят блефу о “ракетно-ядерной мощи” своего противника. Обстановка на “советско-американском фронте “холодной войны” грозила не только потерей Кубы и мирового престижа в целом, но и возможным поражением в ядерной войне.

Выход из этого тупика мог быть только один — создать весомую угрозу нанесения ядерных ударов по объектам, расположенным на территории Соединенных Штатов. 24 мая 1962 г. на расширенном заседании Совета Обороны СССР принимается решение о создании Группы советских войск на Кубе, в состав которой включалась ракетная дивизия, состоящая из пяти ракетных полков, вооруженных ракетами средней дальности (40 пусковых установок (ПУ), 36 ракет Р-12, 24 ракеты Р-14).

Предпосылки

Этот шаг советского руководства мог принести немалые дивиденды:

— развернутая на острове группировка ракет Р-12 (дальность—2000км) и Р-14 (дальность — 4500 км) позволяла наносить ракетно-ядерные удары практически на всю глубину территории США;

— развертыванием на Кубе ракетной дивизии достигался военно-стратегический паритет с США по числу пусковых установок стратегических ракет, привлекаемых

для поражения целей на территории противника (40 ПУ РСД и 30 ПУ МКР, развернутых на территории СССР, против 69 американских ПУ МКР);

--при подлетном времени (10—12 минут) ракет, стартовавших с острова, и отсутствии на южном направлении элементов американской системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе достигалась внезапность ракетной атаки.

Количественные и качественные изменения в соотношении стратегических ядерных средств, которые могли сложиться по завершении развертывания Группы советских войск на Кубе, создавали условия нанесения внезапного удара по территории США и, по оценкам военных, позволяли теперь уже СССР достичь победы в ядерной войне. Для этого необходимо было первым эшелоном (группировка РСД, развернутая на Кубе) нанести "обезглавливающий" удар по центрам государственного и военного управления с целью нарушения боевого управления стратегическими силами, а вторым эшелоном (группировка МКР, развернутая на территории СССР, и стратегическая авиация) поразить базы межконтинентальных ракет и стратегической авиации, а также крупные промышленные центры.

Развертывание на Кубе группировки ракет средней дальности было блестяще разработано СССР в ходе операции "Анадырь" в июле—октябре 1962 г. Даже несмотря на ее незавершенность (ракеты Р-14 не были доставлены), удалось достигнуть военно-стратегического паритета и изменить соотношение стратегических сил в западном полушарии.

Поскольку американцы уже окружили Советский Союз кольцом своих военных баз и ракетных установок различного назначения, мы должны заплатить им их же монетой, дать им попробовать собственное лекарство, чтобы на себе почувствовать, каково живется под прицелом ядерного оружия. Говоря об этом, Хрущев подчеркнул необходимость проведения этой операции в условиях строгой секретности, чтобы американцы не обнаружили ракет до того, как они будут приведены в полную боевую готовность. Особенно важно избежать огласки в период накала в США политических страстей — кампании по выборам в конгресс, назначенным на 6 ноября 1962 г. А после этого, считал Хрущев, можно будет обнародовать соглашение о ракетах, если оно будет одобрено кубинским правительством. Тогда Куба окажется в фокусе мировой политики, и американцам будет уже поздно что-либо предпринимать против нее. Мы же будем разговаривать с Америкой на равных. Конечно, подчеркивал Хрущев, необходимо избрать такой способ противодействия американской угрозе в отношении Кубы, который не привел бы к началу термоядерной войны. Он высказал уверенность, что прагматичные американцы не отважатся на безрассудный риск, точно так же как мы сейчас не можем ничего предпринять против нацеленных из Турции, Италии, ФРГ на Советский Союз американских ракет. Должны же здравомыслящие политики в США рассуждать так же, как сегодня рассуждаем мы, заключил Хрущев.

На совещании было принято решение направить в Гавану делегацию в составе Ш.Р.Рашидова, маршала С.С.Бирюзова и посла СССР А.И.Алексеева. Полеты У-2, планы ядерной войны против Советского Союза и нанесения атомных ударов по военным объектам и городам социалистических стран привели руководство нашего государства в шоковое состояние - вести переговоры о мирной жизни и одновременно планировать атомные удары! Это делает понятным, где корни Карибского кризиса. США и НАТО буквально подвели СССР к ответному размещению ракет на Кубе. Хотелось бы акцентироваться на причинах его возникновения и отразить участие офицеров Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС (ГРУ ГШ ВС)⁶ в его урегулировании.

Чтобы понять ход развития событий, следует вернуться к маю 1960 г., когда был сбит У-2, пилотируемый Пауэрсом. Разведывательные полеты У-2 над Советским Союзом организовало ЦРУ. Но это было только начало. В мае-июне того же года ценнейший источник ГРУ Мюрат передал советской разведке "План ядерного удара" по СССР и странам народной демократии - "САКЁРС атомик страйк план № 110/59 от 16.11.59".⁷ В нем детально было расписано все: масштаб и задачи, принципы, контроль и выполнение, цели и программа действий Верховного главнокомандования НАТО и региональных командований, наземные и военно-морские операции. Одновременно от Мюрата была получена новая, совершенно секретная инструкция НАТО по ведению ядерной войны

против СССР, о пределах действий и настроениях офицеров высших штабов НАТО в связи со срывом совещания в верхах. ГРУ передало эти особой важности документы министру обороны Р. Малиновскому и начальнику Генерального штаба М. Захарову, которые доложили их Верховному главнокомандующему Н.С.Хрущеву. Хрущев пришел к выводу, что если нас нагло обманывают, то и нам обмануть противника сам Бог велел. Тем более, что в подтверждение агрессивных намерений США и НАТО в феврале-мае 1962 г. от Мюрата был получен еще ряд особо важных документов, среди которых были новый "План ядерной войны № 200/61" и "Перечень целей для нанесения ядерных ударов на территории СССР и стран народной демократии". Всего было намечено 696 целей, а это как минимум, 696 ядерных зарядов различной мощности. Было от чего схватиться за голову в поисках хоть каких-то ответных мер, чтобы предостеречь США и НАТО от безрассудных действий. В эти напряженные кризисные годы офицеры ГРУ активно работали над добыванием и получением как от источников, так и лично документальной и достоверной устной и упреждающей информации по военно-политическим проблемам, чтобы предотвратить неконтролируемое развитие событий в военном плане.

Таким образом, военные приоритеты США, недостаточное вооружение Советского Союза и революционные события на Кубе, - все это в конечном итоге сыграло свою роль в решении первоочередного вопроса о размещении ракет. Иного пути на тот момент нашему политическому руководству не представлялось, так как сама идея изначально заключала в себе много положительных аспектов. По существу, эта акция была своего рода запоздавшим по времени ответным ходом нашей страны на аналогичные действия противника, а то, насколько эффективно было её осуществление, - об этом в следующем параграфе.

Параграф 2

Развитие Карибского конфликта

В июле 1962 г. в Москву прибыла военная делегация Кубы во главе с Раулем Кастро. Она вела переговоры с военными руководителями СССР о предоставлении Кубе военной помощи. Переговоры шли долго, а 3 и 8 июля в них принимал участие и Н.С.Хрущев. Можно с уверенностью предположить, что именно в эти дни было принято окончательное решение о размещении на Кубе ракет среднего радиуса с ядерными боеголовками и бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы, и были согласованы детали их отправки. Когда на советские корабли грузилось это грозное оружие и корабли один за другим отплывали в далекий путь со своим смертоносным грузом, Хрущев предпринял самую продолжительную поездку по стране за все время пребывания у власти. Несомненно, что эта поездка имела характер отвлекающего маневра. Хрущев побывал в Петрозаводске, в Мурманске и Мурманской области, присутствовал на учениях военных кораблей Северного флота, причем в учениях принимали участие и первые советские атомные подводные лодки. Из Мурманска он вылетел в Архангельск и Архангельскую область. Он никогда раньше не был в этих областях. С севера Хрущев поехал на юг - сначала в Тульскую и Орловскую, а затем в Курскую области. Он осмотрел стройки на Курской магнитной аномалии и провел день в своей родной Калиновке, пригласив сюда с Украины Подгорного и Щербицкого, а из Москвы Полянского, чтобы показать им процветающее хозяйство колхоза. Конец июля он провел на Украине - в Кременчуге, Днепропетровске, Херсоне и сельских районах, большую часть августа отдыхал в Крыму и на мысе Пицунда возле г. Гагры. В гостях у Хрущева побывали и король Афганистана Муххамед Захир Шах, и глава ГДР Вальтер Ульбрихт, и исполняющий обязанности Генерального секретаря ООН У Тан, и американский фермер Р.Гарст. Но самая важная встреча состоялась у Хрущева с кубинскими лидерами Э.Че Гевара и Э.Арагонесом. Операция по переброске на Кубу ракетного и атомного оружия шла в августе 1962 г. полным ходом. После отдыха в Пицунде Хрущев вылетел в Среднюю Азию, где познакомился с предприятиями Туркмении, Таджикистана и целую неделю провел в Узбекистане. Только 10 октября, когда советские ракеты уже находились на Кубе и шла

быстрая работа по устройству пусковых площадок и сборка доставленных по частям бомбардировщиков ИЛ-28, Хрущев вернулся в Кремль.

Операция по размещению советских баллистических ракет на Кубе называлась “Анадырь”. Считается, что это название придумал И.В.Сталин, намеревавшийся базировать один миллион войск на Чукотке на случай, если США попытаются напасть на СССР. По плану операции от советского ВМФ предполагалось задействовать две эскадры: надводную и подводную. Однако, желая обеспечить максимальную скрытность операции, от использования эскадры надводных кораблей отказались, а эскадру подводных лодок задействовали частично — в составе четырех больших дизельных торпедных подводных лодок 641 проекта, достаточно современных по тому времени. Это были Б-4, Б-36, Б-59 и Б-130. Между тем уже в июле началась подготовка к отправке на Кубу как материальной части, так и воинского персонала. С нашей стороны к середине октября 1962г. на Кубу было поставлено почти все, что планировалось: войска, бронетехника, средства ПВО, самолеты МиГ-21 и Ил-28, 32 ракеты средней дальности, а также ядерные боеголовки к ним, правда, не в полном комплекте.

1 октября 1962 г. около полуночи четыре подводные лодки Северного флота с полным запасом боевых торпед, в том числе с одной ядерной, с интервалом в 30 минут отошли от плавбазы в губе Сайда. Перед походом подводников напутствовал первый заместитель главнокомандующего ВМФ адмирал В. Фокин: *"Провожаем не на войну, но все может быть!"*

Пакеты с маршрутами командирам подводных лодок разрешалось вскрыть в открытом море — только там они наконец узнали, что идут на Кубу.

За два с половиной месяца 85 кораблями было совершено 185 рейсов. Еще в середине августа 1962 г. США получили сведения от немцев, англичан, предателя Пеньковского и своей воздушной разведки о необычайной активности нашего торгового флота, поставках вооружений и, возможно, баллистических ракет. 10 августа 1962 г. директор ЦРУ Дж.Маккоун предупредил президента о возможной поставке на Кубу ракет средней дальности, но это были аналитические данные, точных доказательств у американцев еще не было. Лишь 15 октября очередной полет У-2 дал фотоподтверждение установок ракет средней дальности. Дж.Ф. Кеннеди был поражен. Он верил неоднократным заверениям посла, МИДа и другим доверенным лицам. Обман глубоко его уязвил. В тот же день он сказал об этом брату, Р.Кеннеди. Тот, в свою очередь, был также в недоумении. Он недавно встретился с Добрыниным и поверил его заверениям.

Сообщение о советской военной помощи обеспокоило американских политиков и военных. Наблюдение американской разведки за Кубой было усилено. Вскоре стало очевидно, что Советский Союз сооружает на Кубе стартовые площадки для зенитных управляемых ракет (ЗУР), которые считаются оборонительным оружием. Велось интенсивное строительство крупного рыбацкого поселка, под видом которого, как полагало ЦРУ, СССР создает крупную судоверфь и базу для советских подводных лодок. Американское правительство не только выразило свою “озабоченность” через посла СССР А. Добрынина, но провело в районе Кубы крупные маневры, в которых участвовало 45 военных кораблей и 10 тысяч морских пехотинцев. Увеличилось число разведывательных полетов “У-2”, непрерывно фотографировавших территорию Кубы, что можно было делать, не нарушая воздушного пространства острова. Теперь перед Соединенными Штатами встал вопрос жизни и смерти, разрешение которого требовало либо решительных действий, либо уступок. Расчеты аналитиков, растянувшиеся на неделю, показали, что несмотря на то, что в ответ на старт советских ракет с Кубы американская сторона может нанести удар по территории Советского Союза, потери для США в этом случае станут совершенно неприемлемыми, во многом по этому президент Кеннеди попросил Конгресс разрешить призвать в армию 150 тысяч резервистов. 4 сентября Кеннеди сделал публичное предостережение: США ни при каких условиях не потерпит размещения на Кубе ракет “земля-земля” и другие видов наступательного оружия.

Необходимо отметить, что, поставляя Кубе ракеты и бомбардировщики, СССР не нарушал норм международного права, так как Куба являлась суверенным государством и

характер оказываемой ей военной помощи определялся лишь компетенцией СССР и Кубы. Создавая военные базы на территории Турции, Японии, Норвегии, Ирана, Италии или ФРГ и размещая в непосредственной близости от советских границ ракеты и бомбардировщики с ядерным оружием, Соединенные Штаты не спрашивали разрешения СССР. Американская ракета, запущенная с Турецких баз, могла достигнуть любой цели на европейской части СССР менее чем за 10 минут, тогда как советские межконтинентальные ракеты могли достигнуть территории США примерно за 25 минут. Соединенные Штаты могли использовать против СССР ракеты всех видов радиусов действия, тогда как СССР мог использовать против США только самые крупные межконтинентальные ракеты. Военно-стратегического паритета между нашими странами в начале 60-х годов не существовало, и именно это обстоятельство породило мысль о создании ракетных установок именно в это время на Кубе, примерно в 90 милях от берегов США. Тем самым, как уже ранее говорилось, предполагалось ликвидировать неравновесие в размещении ядерного оружия.

Однако Хрущев, его советники и союзники недооценили решимости и возможностей США противостоять появлению советских ракетных баз в Западном полушарии. Ибо кроме норм международного права существовала так называемая доктрина Монро, главный принцип которой определялся словами: “Америка для американцев”. Она была в одностороннем порядке провозглашена еще в 1823 году президентом США Д.Монро с целью предотвратить восстановление испанского господства в Латинской Америке. “Американские континенты, - указывалось в послании Д.Монро Конгрессу, - ввиду свободного и независимого положения, которого они добивались, и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державы”.

Естественно, что доктрина Монро не признавалась как норма международного права европейскими государствами ни в XIX, ни в XX веке, так как многие из этих государств еще сохраняли в Западном полушарии свои колонии или зависимые территории. Не признавала этой доктрины и Россия, владевшая Аляской и претендовавшая на некоторые территории, лежащие к югу от Аляски. Не признавали доктрины Монро и многие государства Латинской Америки, оказавшиеся постепенно в экономической и политической зависимости от США. Но для США доктрина Монро оставалась еще одним из главных принципов внешней политики. Правящие круги Соединенных Штатов были готовы идти на риск большой войны, чтобы предотвратить создание советских военных баз на Кубе.

Советское руководство оставило без внимания демарш президента США и маневры американского флота. А. Добрынин просил Роберта Кеннеди заверить своего брата, что на Кубе не будут устанавливаться ракеты типа “земля-земля”. 12 сентября в советских газетах появилось “Сообщение ТАСС”, в котором можно было прочесть: “Правительство СССР уполномочило ТАСС заявить, что Советскому Союзу не требуется перемещения в какую-либо другую страну, например в Кубу, имеющихся у него средств для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства являются настолько мощными по своей взрывной силе и Советский Союз располагает настолько мощными ракетносителями для этих зарядов, что нет нужды искать место для их размещения где-то за пределами СССР”.

То же самое говорилось и в личном послании Хрущева Д.Кеннеди. Хрущев писал, что президент США может быть уверен, что ни при каких обстоятельствах ракеты “земля-земля” на Кубу не будут посланы.

В конце сентября и в начале октября в районе “Острова Свободы” сильная облачность не позволяла проводить фоторазведку. Это облегчало скрытное и срочное проведение работ по созданию пусковых установок. Хрущев и Кастро рассчитывали, что все работы будут завершены раньше, чем разведка США обнаружит, каким именно оборонительным оружием располагает теперь Куба. Как откровенно писал позднее в своих мемуарах Хрущев, “этой силы было достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня”.

Различного рода слухи о ракетах на Кубе и ведущихся там строительных работах доходили до американцев. Но у них не имелось ясных доказательств. Только 10 октября они смогли возобновить фоторазведку, и полученные фотографии их крайне обеспокоили. Они увидели автомобильные дороги там, где десять дней назад темнели джунгли. Кеннеди приказал расширить фоторазведку, но на Кубу обрушился еще один тайфун, и новые снимки удалось сделать только 14 октября. Американские самолеты снимали не только с большой высоты, но и с малой - в 130 метрах. Тысячи снимков, которые были получены, ясно показали специалистам, что речь идет уже не о зенитных ракетах, а о ракетах "земля-земля", способных нести ядерное оружие. В Белом доме шли почти непрерывные дискуссии, что делать по двум проблемам: как остановить поставки оружия на Кубу и как удалить или уничтожить завезенные туда баллистические ракеты. Бурное обсуждение разделило президентский штаб. Военные были за радикальное силовое решение обеих проблем. Еще раньше Кеннеди создал особый военно-политический штаб - Исполнительный комитет Национального совета безопасности, все члены которого уже не сомневались в грозящей Америке опасности и требовали ответных действий, правда они еще расходились во мнениях о характере и масштабах этих действий. Джон Кеннеди и его брат Роберт выступали за полную морскую блокаду Кубы. Военные лидеры настаивали, однако на массированной бомбардировке всех пусковых установок, на которых уже проводился монтаж ракет, доставленных ранее. Войска и авиация стягивались в районы, максимально приближенные к Кубе. Но президент США временно отклонил предложение о немедленной военной атаке, приказав, однако, начать блокаду.

Советский Союз продолжал утверждать, что на Кубе нет никаких ракет; полученные же военной разведкой и ЦРУ фотоснимки были убедительным свидетельством для американских военных, но не для мирового общественного мнения, которое не исключало возможности фальсификации. Первые данные об огромном увеличении количества советских судов, следовавших на Кубу, американцы получали от западногерманской разведки: в самом деле, число наших судов на Балтике и в Атлантике за два-три месяца, предшествовавших кризису, увеличилось почти в десять раз. Кроме того, кубинцы, бежавшие во время и после революции в США, начали получать от своих родственников письма, в которых сообщалось о завозе "странного советского вооружения". Хотя вся выгрузка ракет в портах и перевозка их к местам назначения осуществлялись по ночам и только советским персоналом, скрыть факт движения по дорогам надежно закамуфлированных 20-метровых ракет было трудно.

Судя по рассекреченным в США правительственным документам, фактически до начала октября американская администрация не придавала большого значения поступавшей на сей счет информации. И только 14 октября, после того как разведывательный самолет У-2, пролетавший над Кубой, сделал фотосъемку ряда стартовых площадок, специалисты пришли к выводу, что на острове устанавливаются действительно ракеты средней дальности. Правда, сами ракеты сфотографированы не были, но подъездные пути и сконцентрированное на стартовых площадках оборудование убедили американских экспертов в том, что речь идет о ракетно-ядерном оружии. Новые снимки, полученные 17 октября, позволили увидеть несколько новых пусковых площадок, на которых расположились 16 или 32 ракеты, дальность которых, по заключению экспертов, составляла более тысячи миль. Тогда же в Белом доме уже прошел ряд совещаний в узком кругу и тайное стало явным, Встреча Громыко с Дж.Ф.Кеннеди, состоявшаяся 18 октября, оказалась лишней. Президент с трудом сдержался, слушая заверения Громыко о том, что СССР и Куба не помышляют о нападении. Вечером на приеме у Раска Громыко стало ясно, что американцы знают о поставке ракет на Кубу, о чем он сразу же сообщил Н.С.Хрущеву. 16 октября об этом был проинформирован президент США, под председательством которого был сформирован специальный штаб при Совете национальной безопасности, начавший ежедневные заседания с целью разработки ответных мер. В штаб входили вице-президент Л.Джонсон, министр обороны Р.Макнамара, министр юстиции, брат президента Р.Кеннеди, госсекретарь Д.Раек, его заместитель Л.Болл, директор ЦРУ Д.Маккоун, председатель Объединенного комитета начальников штабов М.Тэйлор, специальный помощник президента по национальной безопасности М.Банди, министр финансов Д.Диллон, посол США в СССР Л.Томпсон, постоянный представитель

США в ООН Э.Стивенсон, советники Т.Соренсен и Д.Аче-сон. До 22 октября заседания штаба велись в строгой тайне. Ни в Москве, ни в Гаване тогда еще не было известно о том, что ракеты обнаружены американцами.

Карантин

А в это время в Карибском регионе развернулась армада из 180 военных кораблей. Американские войска во всем мире приводились в состояние повышенной готовности. Атомные подводные лодки с ракетами “Полярис” изменили свои курсы в соответствии с полученными секретными приказами. Бомбардировщики стратегической авиации на всех базах получили приказ подняться в воздух с полной ядерной нагрузкой, и как только один из них приземлялся для заправки и отдыха, другой поднимался в воздух. На Флориде были развернуты шесть дивизий, дополнительные войска перебрасывались на военную базу в Гуантанамо на Кубе. 22 октября президент США Д.Кеннеди выступил по телевидению. Он объявил о блокаде Кубы, которая в целях обмана общественного мнения была названа **“карантином”**, и некоторых других принятых мерах и о причинах, которыми были вызваны действия США. “Это лишь первый шаг, - заявил Кеннеди, - Пентагон получил приказ к проведению дальнейших военных мер”. Речь Кеннеди, продолжавшаяся около 20 минут, повергла не только США, но все западные страны в состояние нервного ожидания. Военный министр США Р. Манкмара готовил бомбардировку и оккупацию Кубы, что требовало, по его подсчетам, 250 тысяч солдат, 90 тысяч бойцов морской пехоты и более ста десантных судов. Вместе с тем США стали сосредоточивать свои вооруженные силы не только в Карибском море, а также привели в полную боевую готовность свои войска, расположенные в Европе, 6-й и 7-й флоты, парашютно-десантные, пехотные и бронетанковые дивизии, авиацию. Над Кубой нависла угроза вторжения.

К 22 октября 1962 г., когда президент США Джон Кеннеди выступил по американскому радио и телевидению с сообщением об обнаружении на Кубе советских ракет, все 42 ракеты и боеголовки к ним, а также воинский персонал уже были на месте. Некоторые ракеты были приведены в боевую готовность. Часть наших кораблей еще находилась в пути, но на них было вспомогательное снаряжение и продовольствие для воинского контингента, без чего при случае можно было и обойтись.

В своем обращении к американскому народу 22 октября президент Дж.Кеннеди потребовал от СССР вывода ракет и объявил военную блокаду Кубы (поскольку фактически это означало объявление войны). Чтобы не обострять конфликта, ряду наших кораблей, следовавших на Кубу, было дано указание изменить курс, но несколько судов, не обращая внимания на предупреждения со стороны американских военных кораблей, все же прорвались к острову. Американцами было остановлено и проверено только одно зафрахтованное Советским Союзом канадское судно, доставлявшее на Кубу сельскохозяйственные машины. Конечно, Хрущев немедленно узнал о выступлении Кеннеди. Советская разведка докладывала ему о всех военных приготовлениях США. Хотя в Кремле, как и в Белом Доме, шли непрерывные совещания политиков и военных, советские средства информации ничего, например, не сообщили 23 октября о выступлении Кеннеди и о блокаде Кубы. Все работы по установке ракет на Кубе проводились круглосуточно, но для окончания этих работ и приведения ракет в боевую готовность требовалось еще несколько дней. Хрущев хотел иметь на Кубе мощную ракетную базу, но он не хотел войны, опасность которой все возрастала. Для него важнее всего было в эти дни понять - являются ли действия США блефом, или же американцы действительно готовятся нанести мощный удар по Кубе и советским ракетным установкам.

С 23 октября между Москвой и Вашингтоном начался обмен официальными письмами. В первых посланиях Н.С.Хрущев с негодованием называл действия США “чистейшим бандитизмом” и “безумием выродившегося империализма”. А уже 24 октября Советское правительство заявило решительный протест против блокады Кубы и других военных мероприятий США. СССР просил немедленно созвать Совет Безопасности ООН. Министр обороны СССР приказал привести Вооруженные Силы страны в состояние

повышенной боевой готовности, отменить отпуска и задержать демобилизацию старших возрастов. Советский Союз продолжал отрицать наличие на Кубе наступательного оружия, заявляя, что там находится только оружие, необходимое для самообороны, и что “с требованием об удалении этой техники не может согласиться ни одно государство, дорожающее своей независимостью”. На Кубе Фидель Кастро объявил о проведении всеобщей мобилизации. На срочно созванном заседании Совета Безопасности советский представитель В.Зорин решительно отрицал наличие на Кубе ракет с ядерным оружием. Как можно было прочесть в советских газетах, В.Зорин “разоблачил извлеченные из кучи всякого хлама сотрудниками государственного департамента США утверждения о так называемом установлении советских ракетных баз на Кубе”. В это время на пути к Кубе находилось более 20 советских кораблей, и первые из них приближались к линии блокады. Хрущев вел себя внешне спокойно, и вечером 23 октября посетил Большой театр, понимая, что за океаном внимательно следят за каждым его шагом.

Президент США направил Хрущеву письмо с призывом соблюдать правила блокады. Кеннеди писал, что США не намерены открывать огонь по советским кораблям. “Мое желание, чтобы оба мы держались осмотрительно и не допускали, чтобы события осложнили положение и еще более затруднили контроль над ним”. Это послание не было опубликовано в СССР, как и призыв У Тана приостановить перевозку оружия на Кубу. Аналогичный призыв исходил и от 89-летнего английского философа Бертрана Рассела. Кеннеди получил сообщение о появлении в Карибском море советских подводных лодок, что являлось серьезной угрозой для американских авианосцев.

Утром 24 октября два советских судна приблизились к линии блокады в 500 милях от Кубы. Их прикрывала подводная лодка. Навстречу шел авианосец “Эссекс” с вертолетами, оснащенными для борьбы с подводными лодками. Р.Макнамара отдал приказ - в случае необходимости атаковать советскую подводную лодку глубинными бомбами со слабыми зарядами, чтобы заставить ее всплыть на поверхность. Но Хрущев не хотел рисковать и приказал советским судам остановиться на линии блокады, предложив Кеннеди срочную встречу. Кеннеди ответил, что он готов встретиться с Хрущевым, но только после устранения с Кубы советских ракет. Воздушная разведка показывала, что эти ракеты будут готовы к действию через несколько дней. Над Кубой дважды в день пролетали эскадрильи из восьми низко летящих американских самолетов. Другие самолеты непрерывно следили за советскими подводными лодками. Советские корабли, приближаясь к линии блокады, останавливались в океане, однако, некоторые из них получили приказ лечь на обратный курс. Монтаж ракетных установок и бомбардировщиков продолжался. На Кубу вылетел А.И.Микоян, чтобы наблюдать за ситуацией с близкого расстояния и увязывать действия Советского правительства с действиями Кубы.

Черная суббота

В субботу, 27 октября, над островом был сбит американский разведывательный самолет У-2. Его пилот Андерсон погиб. Обстановка в США накалилась до предела: тот день американцы называют “черной субботой”. Президент, подвергавшийся сильному нажиму “ястребов”, требовавших немедленного возмездия, расценил это событие как решимость СССР не отступать перед угрозами, даже с риском начала ядерной войны. Если до этого он придерживался арсенала традиционных военно-политических средств, то теперь понял, что только дипломатия, только равноправные переговоры и компромиссы могут стать эффективными средствами разрешения кризиса. Кстати, тогда был пущен слух, что самолет У-2 сбили кубинцы. Один эмигрант, называвший себя “очевидцем”, даже доказывал позднее в газетной публикации, что “кнопку пускового устройства ракеты нажал сам Фидель Кастро”. Президент США не поверил этим слухам, но он был убежден, что самолет сбит по приказу Советского правительства. На самом же деле, как уже стало известно, самолет сбили по приказу командующего ПВО группы советских войск на Кубе.

Самолет появился на высоте 22 тысяч метров и через 20 минут должен был оказаться в зоне досягаемости ракеты. Наш командующий ПВО, зная о приказе Ф.Кастро своим вооруженным силам сбивать без предупреждения все военные самолеты, появляющиеся в

воздушном пространстве Кубы, и не имея времени на размышление, отдал приказ о поражении цели. Самолет Андерсона был сбит первой же ракетой...Напряжение нарастало.

В ночь с 26 на 27 октября и вечером 27 октября прошли две встречи Р.Кеннеди с послом А.Добрыниным, где он заявил следующее: "Напряжение очень сильное. Опасность войны велика. Президенту очень трудно под давлением военных, конгрессменов, госдепартамента, прессы. Помимо его воли может случиться непоправимое. Помогите президенту решить эту задачу, он не хочет военного столкновения и питает глубокое уважение к мужеству советского народа, но его принуждают к действию. Остается всего несколько часов". Об этих встречах посол немедленно доложил в Москву. В Москве тоже шел анализ ситуации. Для реальной оценки обстановки, в том числе возможности высадки ВС США на Кубу, были задействованы все каналы получения информации. Она шла от А. Добрынина о его встречах с Р.Кеннеди, от резидента КГБ Феклисова, от источников ГРУ. Г.Большаков в этот период с Р.Кеннеди лично не встречался, но был очень активен в контактах с представителями прессы, близкими лично к Дж.Ф.Кеннеди, его брату, к госдепартаменту, конгрессу. Он встречался с Барлеттом (другом Дж.Ф.Кеннеди), который показал ему фотоснимки двух ракетных баз на Кубе и просил сообщить ему или Р.Кеннеди немедленно любую информацию, опровергающую эти данные; с корреспондентом Роджерсом (близким к госдепартаменту), который сообщил о неминуемой бомбардировке и высадке американцев на Кубу. О состоянии ВС США и НАТО в этот период ГРУ подробно информировал агент Мюрат. Все данные, которые поступали в Москву, говорили о том, что атака и высадка на Кубу неизбежны и нужно принимать кардинальное решение. На сей раз Н.С.Хрущев отнесся к донесению разведки со всей серьезностью.

26 октября Кеннеди отдал приказ о подготовке к вторжению на Кубу. Узнав о гибели американского летчика, он приказал увеличить в несколько раз число самолетов, пронесшихся над островами. Вечером 26 октября Кеннеди получил от Хрущева новое письмо, составленное в иных выражениях, - оно не появилось в советских газетах. Письмо было продиктовано лично Хрущевым и даже не отредактировано. Советский премьер убедился, что действия США не являются блефом и что мир оказался на краю пропасти. Теперь и Хрущев просил Кеннеди проявить сдержанность, ибо "если разразится война, то остановить ее будет не в нашей власти. Я сам участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается только после того, как прокатиться по всем городам и селам, сея повсюду смерть и разрушение".

Хрущев опасался, что Кастро может предпринять какой-либо неосмотрительный и опасный шаг. В своих первых посланиях к Кеннеди Хрущев придерживался угрожающего тона. Он называл действия Кеннеди "чистейшим бандитизмом", "безумием выродившегося империализма" и заявлял, что СССР не будет считаться с блокадой и сумеет защитить свои права.

На другой день после речи Дж.Кеннеди Н.С.Хрущев направил ему большое письмо, в котором доказывал законность действий двух суверенных государств — СССР и Кубы, вынужденных в ответ на неприкрытые агрессивные действия США принять меры для обеспечения безопасности Кубы. Хрущев призывал Кеннеди не поддаваться милитаристскому психозу и не толкать человечество в пучину ядерной катастрофы. В послании звучали твердость и уверенность в правоте предпринятых СССР и Кубой действий, а также призыв к мирному урегулированию сложившейся ситуации. На следующий день Кеннеди ответил Хрущеву, что будет твердо отстаивать свои позиции, и повторил угрозу применить силу, если ракеты не будут убраны. Узел конфликта завязывался все туже и туже.

С 23 по 28 октября обмен такими письмами проходил ежедневно. Со всеми этими документами знакомили Фиделя Кастро, и он, таким образом, активно участвовал в переписке, высказывая свои суждения об аргументах Кеннеди и Хрущева, подсказывая пути преодоления возникавших на переговорах трудностей. В те тревожные дни Фидель проявлял поистине олимпийское спокойствие и уверенность в том, что если мы сохраним твердость, то американцы не отважатся на осуществление своих угроз. Он прекрасно знал психологию своих северных соседей. В то же время он вел неустанную работу по мобилизации вооруженных сил республики и всего народа на отпор агрессорам.

Надо подчеркнуть, что революционная Куба не дрогнула перед этими испытаниями. Вся страна превратилась в четко управляемый и организованный военный лагерь. Мужество кубинцев передавалось и советским людям, в том числе воинскому контингенту, готовому

выполнить свой интернациональный долг. Не было никакой паники, никто не пытался покинуть Кубу.

Сложившаяся ситуация подтолкнула президента США к решению искать любые средства для политического урегулирования кризиса. Почувствовав, что США находятся в преддверии войны, он поручил своему брату Роберту срочно встретиться с советским послом в Вашингтоне А.Ф.Добрыниным. В обмен на вывод советских ракет Дж.Кеннеди принимал на себя джентльменское обязательство не только не нападать на Кубу, но и удерживать своих союзников от этого шага.

В ночь на 28 октября Советским правительством без консультации с Фиделем Кастро было решено принять условия Кеннеди. Последнее письмо Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева президенту США Дж.Кеннеди было передано открытым текстом по Московскому радио. В письме от 28 октября Хрущев заявлял: “Я отношусь с пониманием к вашей тревоге и тревоге народов США в связи с тем, что оружие, которое вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И вы, и мы понимаем, что это за оружие”. Позднее, во время визита Ф.Кастро в СССР в мае 1963 г., Хрущев рассказывал, что такая поспешность была вызвана полученными из США достоверными данными о принятом американским военным командованием решении начать 29 или 30 октября бомбардировку советских ракетных установок и кубинских военных объектов с последующим вторжением на остров. Хрущев сказал, что -ночь на 28 октября все члены Президиума ЦК КПСС провели в Кремле, готовя последнее письмо американскому президенту. По его словам, текст послания начал передаваться по радио, когда его конец еще не был отредактирован. Поэтому, говорил Хрущев, у советского руководства не оставалось времени, чтобы согласовать свое решение с Гаваной: мир висел на волоске.

За сутки до того, в ночь на 27 октября, Фидель довольно долго пробыл в нашем посольстве. Несмотря на присущую ему выдержку, он тоже оценивал обстановку как весьма тревожную. Однако ни он, ни мы в посольстве не ожидали того, что произошло дальше: подобный финал невозможно было предугадать и на основе полученных из Москвы шифровок.

Хрущев не отрицал теперь, что на Кубе имеются советские ракеты. Американская блокада поэтому не имеет смысла, так как все оружие уже доставлено на Кубу. Но ракеты находятся под контролем советских офицеров и не будут использованы для нападения на США. “В этом отношении, - писал Хрущев,- вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если мы нападём на вас, вы ответите нам тем же. Но тогда это обернется и против нас, и я думаю, что вы это тоже понимаете. Из этого следует, что мы люди нормальные. Как же мы можем допустить, чтобы произошли те несуразные действия, которые вы нам приписываете. Только сумасшедшие могут так поступать или самоубийцы, желающие и сами погибнуть и весь мир перед тем уничтожить”. Хрущев предлагал Кеннеди снять блокаду и дать обязательство не вторгаться на Кубу. В этом случае СССР заберет и уничтожит доставленное на Кубу ракетное оружие. Хрущев писал: “Мы с вами не должны тянуть за концы каната, на котором вы завязали узел войны, потому, что, чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел будет так туго стянут, что даже тот, кто завязал его, не в силах будет развязать, и придется разрубить... Давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы.”

Это письмо предлагало компромисс. Правда уже на следующее утро, еще не получив ответа на отправленное письмо, Хрущев направил новое послание к Кеннеди, в котором требовал, чтобы американцы убрали свои ракеты с турецкой территории. Хрущев предлагал провести в течение 2-3 недель переговоры с США по всему комплексу возникших проблем. Это не устраивало Кеннеди, и он ответил только на полученное вечером 26 октября письмо, оставив без внимания следующее. Кеннеди заявил о готовности США снять блокаду с Кубы, и о том, что США не будут нападать на Кубу, если из этой стран Советский Союз уберет наступательное оружие. Одновременно, используя более конфиденциальные каналы, Кеннеди заверил Хрущева, что США уберут свои ракеты из Турции, но позднее, после ликвидации кризисной ситуации. В любом случае Кеннеди требовал немедленного прекращения всех работ по установке ракет на Кубе и удаления под наблюдением ООН всего наступательного оружия с острова. В конфиденциальном порядке Кеннеди давал понять

Хрущеву, что даже при желании президент США не в состоянии слишком долго сдерживать более жесткую реакцию американских властей на действия СССР. Послание Кеннеди от 27 октября было опубликовано в советской печати, что являлось, в сущности, официальным признанием присутствия советских ракет на Кубе. Не без внутреннего сопротивления и, возможно, не без борьбы внутри руководства, но Хрущев принял предложение Кеннеди. У него оставалось мало времени и маленький выбор: или военные действия, или уступка. И он решил уступить. И вот к вечеру 28 октября пришла вторая — большая — телеграмма, в которой подробно излагался ход событий, предшествовавших решению Москвы, анализировалась обстановка вокруг Кубы и оценивались в этой связи перспективы кубинской революции. В шифровке подчеркивалось, что правительство СССР ни при каких обстоятельствах не откажется от выполнения своего интернационального долга и обязательств по защите Кубы, доказывалось, что любое иное решение в создавшейся ситуации означало бы мировой пожар, а следовательно, и гибель кубинской революции. Теперь, говорилось в сообщении, Куба получила определенный период спокойного развития, поскольку президент США Кеннеди не сможет нарушить своего джентльменского слова относительно Кубы. Что же касается размещения советских ракет, то, несмотря на непредвиденный финал, оно было оправданным, ибо главная цель — спасение кубинской революции — достигнута. Фидель Кастро в то время выступал в воинских частях и на предприятиях, призывая народ крепить единство и быть готовым к отпору. Тогда-то он и выдвинул знаменитые “Пять требований кубинского народа”, выполнение которых должно было обеспечить мир и безопасность, а также соблюдение суверенных прав республики:

1. Прекращение экономической блокады и всех мер экономического давления, которые США проводят против Кубы в разных частях света;
2. Прекращение всех видов подрывной деятельности, в том числе заброски на остров шпионов и диверсантов с оружием;
3. Прекращение пиратских полетов над Кубой с военных баз США;
4. Прекращение нарушений воздушного и морского пространства республики кораблями и самолетами США;
5. Уход американцев с военной базы Гуантанамо и возвращение оккупированной ими территории Кубе.

СССР официально поддержал эти требования, но, к сожалению, они не стали основой для переговоров с американцами: США и слышать об этом не хотели. Так что это была программа-максимум, недостижимая на том этапе переговоров.

29 октября 1962 г. Советское правительство приняло решение направить на Кубу для переговоров с руководством республики А.И.Микояна. По пути он остановился в Нью-Йорке для встречи с постоянным представителем США в ООН Эдлаем Стивенсоном и бывшим верховным комиссаром США в Германии, а в ту пору советником президента по вопросам разоружения Джоном Макклоем (по поручению Кеннеди оба они вели переговоры с находившимся там заместителем министра иностранных дел СССР В.В.Кузнецовым).

2 ноября А.И.Микоян прибыл в Гавану. За два дня до того Кубу посетил исполнявший тогда обязанности генерального секретаря ООН У Тан, который вел переговоры с кубинским руководством и нашим посольством о порядке вывоза ракет. Мы заверили У Тана, что в кратчайший срок все 42 ракеты будут демонтированы и направлены в морские порты. С кубинцами он вел переговоры об организации инспекции над демонтажем и вывозом ракетного оружия. После переговоров с У Таном Фидель Кастро в своем выступлении по телевидению 1 ноября заявил: “Мы не нарушали никакого права, не совершали никакой агрессии против кого бы то ни было. Поэтому инспекция является еще одной попыткой унижить нашу страну. Поэтому мы ее не принимаем”. В том же выступлении кубинский руководитель коснулся отношений с Советским Союзом. Он сказал: “Нужно особенно напомнить о том, что во все трудные моменты, когда мы встречались с американской агрессией... мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему, и об этом мы должны говорить во весь голос. Советские люди, которых мы видим здесь... сделали для нас очень много. Кроме того, советские военные специалисты, которые были готовы умереть вместе с нами, очень много сделали в обучении и подготовке наших вооруженных сил”.

Анастасу Ивановичу предстояли нелегкие переговоры в Гаване. Ведь как бы ни были сильны аргументы в пользу спешного вывода ракет, все же объяснить наше одностороннее

решение, без консультации с главным участником событий — Республикой Куба, было не так-то просто.

В это же время А.И.Микояну приходит телеграмма из Москвы, извещающая о кончине его жены. Данный факт снискал ему всеобщую симпатию кубинцев и, повлияв эмоционально на ход переговоров, привел к потеплению наших отношений. В тот же день Анастас Иванович получил соболезнование, подписанное всем кубинским руководством. Его навестили жены руководителей республики. А вечером Фидель Кастро и все его соратники посетили особняк, где жил Микоян, и лично выразили ему глубокое сочувствие по поводу тяжелой утраты. Анастас Иванович получил сотни писем и телеграмм от коллективов трудящихся и общественных деятелей Кубы.

И когда через день возобновились переговоры с Фиделем Кастро и другими кубинскими руководителями, они, особенно в первые дни, шли уже, можно сказать, в шадящем режиме. Но все-таки беседы эти продолжались с перерывами целых три недели и временами были очень трудными. Переговоры А.И.Микояна с Фиделем Кастро в Гаване и В.В.Кузнецова с представителями президента США и У Таном в Нью-Йорке постоянно координировались через Москву. Несмотря на то что в нашем проекте резолюции, представленном еще 23 октября Совету Безопасности ООН, предлагалось, чтобы США, СССР и Куба вступили в переговоры с целью нормализации обстановки и предотвращения военной угрозы, американская администрация демонстративно игнорировала Кубу и не желала вступать с ней ни в какие контакты. Делая явный расчет на унижение Кубы, Вашингтон хотел решать все вопросы только с Советским Союзом, без ее участия, даже те, которые прямо затрагивали ее интересы. И хотя Фидель как бы негласно участвовал и в переговорах Н.С.Хрущева с Дж.Кеннеди, и позднее — через А.И.Микояна — в переговорах В.В.Кузнецова с представителями президента США, так как без его согласия невозможно было достичь каких-либо результатов, все же формально, как того и добивались американцы, Республика Куба была отстранена от прямого участия в этих делах. И это обстоятельство, конечно, более всего удручало кубинских руководителей, затрудняя и наши беседы с ними.

Главная попытка американцев унижить Кубу заключалась в том, чтобы добиться нашего согласия на инспектирование их военными непосредственно на кубинской территории монтажа и вывоза ракет. Разумеется, мы предложили американцам решать этот вопрос с правительством Кубы, и конечно же они от этого отказались. А Фидель сразу сказал Микояну, что Куба никогда не допустит на свою территорию никаких инспекторских групп — ни из США, ни от ООН. Почему бы, добавил Фидель, американцам не поверить в ваше джентльменское заверение вывести ракеты, если вы сами поверили в джентльменские заверения Кеннеди не нападать на Кубу? Да, Фидель не верил в обещания американцев и говорил, что любые наши уступки лишь приведут к выдвижению Вашингтоном новых требований. США, говорил он, будут использовать политику шантажа и запугиваний, ибо не понимают другого языка, кроме языка силы.

И даже когда в поисках выхода из создавшегося тупика мы высказали идею допуска инспекторов на советские суда, Фидель сказал, что это дело СССР, но что в своих территориальных водах Куба такого не позволит. Это не каприз, а защита наших суверенных прав, твердо сказал кубинский руководитель.

США еще долго продолжали настаивать на своих требованиях, но, убедившись в непреклонности Кубы, вынуждены были согласиться с планом погрузки незачехленных ракет на палубы советских судов и фотографирования их со своих кораблей и самолетов в международных водах.

Фидель неоднократно говорил тогда, что если мы уступим американцам в вопросах инспекции, то они пойдут дальше и потребуют новых уступок. И надо отдать ему должное: уже в первых беседах он почти точно предсказал, с какими новыми требованиями выступят американцы, если мы в чем-то им уступим:

1. Вывод бомбардировщиков Ил-28, хотя эти устаревшие самолеты и не угрожают безопасности США;
2. Вывод быстроходных торпедных катеров типа “Комар”;
3. Вывод нашего воинского контингента;
4. Включение в состав кубинского правительства изгнанных революцией и окопавшихся в Майами буржуазных политиканов.

Тогда казалось, что Фидель слишком преувеличивает опасность, ибо многие полагали, что США, напуганные кризисом, удовлетворятся разумным компромиссом и не будут обострять обстановку. Но кубинский руководитель оказался прав. В течение первых двух недель переговоров американцы действительно выставили одно за другим почти все предвиденные Фиделем требования. Лишь на домогательство включить в правительство республики эмигрантское отребье они не осмелились, поняв, что это может привести к срыву переговоров.

Говорят, когда Хрущев распорядился вывезти ракеты, он натолкнулся на резкую реакцию Кастро. В узком кругу Фидель не стеснялся в выборе выражений в адрес Хрущева: “Сукин сын! Негодяй! Задница!” Будто бы в пароксизме гнева он разбил зеркало и швырял стаканы. Хрущев в мемуарах отмечал, что Кастро рассчитывал на “превентивный” удар СССР по США. В итоге, несмотря на длительное сопротивление кубинских товарищей, нам все же пришлось согласиться с американцами на вывод самолетов Ил-28 и торпедных катеров. Была достигнута договоренность об оставлении на Кубе военного соединения, которое могло бы оказывать кубинцам помощь в овладении советской военной техникой.

Переговоры в Гаване и Нью-Йорке завершились 20 ноября 1962 г. — после того как президент США Дж.Кеннеди объявил о снятии блокады. Советские ракеты к тому времени уже были вывезены с Кубы. Советское правительство дало указание нашим вооруженным силам об отмене повышенной боевой готовности. Такое же указание последовало и от главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора. Так закончился карибский кризис.

Хрущев писал далее, что коль скоро США заявляют, что не совершат нападения на Кубу, то и мотивы побудившие СССР поставить Кубе новое оружие, отпадают. Налицо все необходимое для ликвидации конфликта. Поэтому Советское правительство отдало распоряжение о демонтаже, упаковке, и возвращении в СССР всего этого оружия.

Это был решающий шаг в ликвидации Кубинского кризиса. Обмен посланиями между Кеннеди и Хрущевым происходил помимо Ф.Кастро, который получал информацию от Микояна. Но Кастро не считал заверения американского президента достаточной гарантией для Кубы. Кастро требовал прекращения полетов разведывательных самолетов США, прекращения торгового эмбарго и ликвидации на территории Кубы военно-морской база США. Микояну пришлось потратить много усилий, чтобы убедить Кастро не создавать дополнительных препятствий к удалению советских ракет. Разумеется, у ООН не имелось никаких экспертов по ракетам. Чтобы не оставлять никаких сомнений в своем миролюбии, Хрущев разрешил американским экспертам осмотреть советские корабли и пересчитать увозимые в трюмах ракеты.

Бесполезно рассуждать о том, что Хрущев проиграл этот раунд с Кеннеди, что удаление ракет явилось унижением для СССР и т.п.. Лишь очень немногие журналисты писали тогда о “капитуляции” Советского Союза. Сам Кеннеди вовсе не был настроен праздновать победу. За возникновение кризиса ответственность разделяли и советские, и американские руководители, но и Хрущев, и Кеннеди проявили в решающие часы разумную сдержанность, сохранив контроль за ходом событий и не позволив событиям перерасти в разрушительную войну. В Вашингтоне имелось немало влиятельных государственных деятелей, которые с самого начала настаивали на действиях, ведущих только к войне. Можно предполагать, что и в окружении Хрущева не все были согласны с его решением - удалить ракеты с Кубы. И если престиж Кеннеди после Карибского кризиса заметно поднялся, то надо сказать, что поднялся и международный престиж Хрущева, который сумел вовремя остановиться и уступить. Компромисс был достигнут усилиями обеих сторон. Но не следует забывать и о том, что согласие СССР демонтировать и увезти ракеты и бомбардировщики с Кубы стало известно в Вашингтоне менее чем за сутки до назначенной правительством США атаки военно-воздушных сил, морских и сухопутных частей, атаки, которая вместе с советскими ракетами, офицерами, специалистами уничтожила бы и новое кубинское государство, а стало быть, привела и к ответным мерам со стороны СССР. В послевоенный период мир еще никогда, ни до, ни после Карибского кризиса, не подходил так близко к пропасти новой мировой войны.

Намеревалось ли в действительности советское руководство в случае нападения США на Кубу или попытки ВМС США перехватить советские морские суда, идущие к берегам Кубы (это также могло быть квалифицировано как акт агрессии), ответить массированным ракетно-ядерным ударом по территории США, развязав, таким образом, третью мировую войну? На мой взгляд, Хрущев был уверен, что Вашингтон уступит. В свою очередь, правящие круги США не были заинтересованы в войне с СССР. Однако конфликт зашел слишком далеко, чтобы отступить.

Заключение

Что бы я хотел сказать в заключение тех памятных событий?

Во-первых, карибский кризис был детищем “холодной войны”. Конфронтация между великими державами, сопровождавшаяся в ту пору политикой взаимных угроз, и стала фоном для событий осени 1962 г. Поэтому установка наших ракет на Кубе в тех условиях была закономерной; ибо такой шаг, с одной стороны, защищал кубинскую революцию от внешней агрессии, а с другой — привел к равенству противостоявших друг другу сил, заставил США вступить в диалог с Советским Союзом на паритетных началах. А ведь паритет, примерное равенство сил и дали возможность для проводимого сегодня обеими сторонами равномерного снижения уровня вооружений.

Во-вторых, именно после ликвидации карибского кризиса начались практические поиски путей к общему ослаблению международной напряженности, к разрядке, ибо всем стало ясно, что иной альтернативы сохранению мира на земле нет. При ликвидации карибского кризиса восторжествовали разум, здравый смысл.

Мне хочется закончить тем, с чего я начал свой реферат: именно тогда, 38 лет назад, в чрезвычайной ситуации был испробован новый подход к решению острейших международных проблем. Сегодня мы являемся свидетелями того, как целая система, именуемая новым политическим мышлением, прокладывает себе путь в качестве нормы международных отношений.

В-третьих, объективный анализ ситуации, сложившейся осенью 1962 г., показывает, что размещение советских ракет на Кубе не породило, а, напротив, в конечном итоге предотвратило дальнейшие агрессивные и потому весьма опасные действия американского империализма в районе Карибского моря; это, в свою очередь, спасло революционную Кубу и заставило США, хотелось им того или нет, уважать суверенитет острова Свободы. За минувшие с той поры 26 лет Куба успешно продолжала строительство социалистического общества. Социализм заставил признать свое право на существование и в Западном полушарии.

Уроки карибского кризиса были учтены обеими сторонами. Представляется, и Хрущев, и Кеннеди осознали опасность политики балансирования на грани войны и необходимости компромиссов. Во всяком случае, со стороны СССР угроз применения ядерного оружия в локальных конфликтах более не высказывалось. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г., Н.С.Хрущев определил политику мирного сосуществования как решение спорных вопросов между государствами без войны, мирным путем. Он отметил, что опыт карибского конфликта “заставит многих людей изменить свои взгляды на развитие международного положения и свою оценку соотношения сил на международной арене. Они более реально будут представлять сейчас опасность ядерной катастрофы”. Говоря об изменении взглядов, имел ли в виду Хрущев себя? Вполне возможно. Так или иначе, не отказываясь от поддержки революционных сил и движений “третьего мира”, КПСС стала проявлять большую осторожность во внешней политике.

В ходе развернувшейся полемики в коммунистическом движении по вопросу о методах противодействия агрессивным акциям империализма ЦК КПСС, явно учитывая уроки международных кризисов, высказался против метода “борьбы острием против острия”. Приверженцы подобных действий, отмечал ЦК КПСС в 1963 году, очевидно, полагают, что Советский Союз должен отвечать провокациями на провокации, должен принять вызов империализма на соревнование в авантюризме и агрессивности, то есть в соревновании не за обеспечение мира, а в развязывании войны.

Изменение подходов к проблемам мировой политики, отразившее растущее осознание той истины, что отсутствие реальных мер по понижению опасности войны неизбежно приведет человечество к катастрофе раньше, чем та или иная система сумеет доказать свои преимущества, дало свои плоды. Так, в 1963 году СССР, США и Англия заключили Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Это было ответственное и мудрое решение - в результате ядерных испытаний возникала опасность радиоактивного заражения планеты. Уже в 1956 году, по оценкам ученых, на гибель от лейкемии и рака костей в результате этого заражения.

Сноски:

- 1.-Международное Совецание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М.,1969, с314
- 2.-А.Е.Анисимов Новое время,1975,№49,стр. 15-16.
- 3.-А.К.Маслов Кубинский сосед//Правда, 19 апреля 1961 г.
- 4.- Из директивы Совета национальной безопасности США
- 5.- Из выступления министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского на XXII съезде КПСС, октябрь 1961 г.
- 6.-Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил
- 7.- В.Любимов ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА И КАРИБСКИЙ КРИЗИС// Военный Парад,М.1998.
- *.-Развертывание межконтинентальных ракет Р-16 началось с конца 1961г.

Список использованной литературы:

1. И.Копылов Главное -не проиграть// Родина. 1998. №8. с.67-69
2. Г.Костев Живыми не ждали // Родина.1998. №8. С 60-61.
3. А.И. Алексеев Карибский кризис, как это было// Открывая новые страницы..., М.: изд-во политической лит-ры ,1989. с 157-173.
4. Н.В.Загладин Военная политика СССР 60-х гг.//История успехов и неудач советской дипломатии. М.: Международные отношения, 1990. .
5. А.Л.Адамишин Советский Союз и революционная Куба// История внешней политики СССР.1945-1976, М.: Наука, 1977. Т2, с 358-366.
6. В.Любимов ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА И КАРИБСКИЙ КРИЗИС// Военный Парад,М.1998.
7. М.ЛЮБИМОВ Первые годы Кубинской революции// Персона. М, 1997